

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 49 (2260). Суббота, 1 декабря 1945 г. Цена 45 коп.

1 стр. Л. Тоом. Год спустя. Стихи: Аалы Токомбаев, Иссык-Кулю, Ральф Парве. Тахтинские строфы. Лев Кондырев. Подорожник. Информация. Писатели — кандидаты в состав окружных избирательных комиссий по выборам в Совет Союза. Юбилей «Манаса». Фольклор Отечественной войны. 2 стр. Леонид Мартынов, Эрцинский лес (стихи). Рудольф Эгле. Новый роман Андрея Упитса. Вас. Гроссман. Из записной книжки. Гр. Овчаров. Петрутое поле. Юрий Олеся. Вера в победу. 3 стр. Вл. Беллев. Две книги «Радянского Львиза». Франтишек Лангер. К советскому читателю. Сергей Марков. Книга рассыпанных жемчужин. Ан. Тарасенков. Начало пути. Н. Калитин. Первая книга. 4 стр. В. Потапов. Сказка и феерия. М. Слободской. Записки путешественника в напрасном. Александр Бруштейн. Встреча с совестью. Информация. В ССП СССР. Новые книги. В несколько строк.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМА В ЛИТЕРАТУРЕ

Великий подвиг нашего народа в войне против фашизма укрепляет в советских людях чувство гордости своим социалистическим государственным строем, своими передовыми деятелями, своими историческими традициями. Гигантский процесс социального преобразования, участником которого мы являемся, величественные перспективы, которые постоянно открываются перед нашими взорами, все чаще и чаще побуждают нас обращаться к вопросу об истоках неиссякаемой силы народного духа.

Художественная литература стремится ответить на этот вопрос своими средствами. В этой связи понятие первоисточенное значение произведений о нашей современности. Понятен и законен также большой интерес к произведениям, показывающим исторические судьбы государства, народа в прошлом.

Задачи, которые ставят и решает писатель, берущийся за историческую тему, очень ответственны. Ведь речь идет не только о том, чтобы воспроизвести картины быта определенной эпохи; необходимо глубоко осознать эту эпоху, ее движущие силы, проследить истоки народной мощи, показать, как шла формирование национального характера.

Советские писатели немало сделали в этой области. Не ради забавного анекдота или случайного эпизода обращались они к истории. Великие деятели прошлого, борясь за независимость родной страны, создавая национальную культуру, эпохи, переломные в истории народа, — вот что привлекало и привлекает внимание исторических романистов всех советских республик. Достаточно перечислить темы наиболее популярных произведений, чтобы убедиться в этом. Петр I и Давид Стрельцов, Пушкин и Абай, Пугачев и Богдан Хмельницкий, Болотников и Шевченко, крестьянские восстания, 1812 год, декабристы, Севастопольская оборона, 1905 год... Не случайно Горький заметил, что у нас «создан исторический роман, которого не было в литературе дореволюционной». Говоря это, Горький одновременно подчеркивал широту тематики, научную ценность, правдивость советского исторического романа.

Важнейшей проблемой художественной исторической литературы является подлинное воспроизведение национального колорита при изображении людей, событий и обстановки прошлого. Нельзя надеяться человека прошлого тем же качествами, которые он мог приобрести только в условиях современной нам жизни. Только точное знание истории, понимание движущих сил исторического процесса может уберечь писателя от подобной модернизации, которая ничего, кроме вреда, не сулит.

Автор исторического произведения не может обойтись без исчерпывающего научного знания своего предмета, подробнейшего знакомства с мельчайшими деталями изображаемой им эпохи. Это исчерпывающее знание нельзя получить при помощи чтения популярных книжек и хрестоматийных отрывков. Писатель, выходящий за материал истории, должен по первоисточникам, подлинным документам, памятникам изучать прошлое. Только такая работа вооружает писателя исчерпывающим логическим и эмоциональным знанием того прошлого, которое должно ожить в его произведении.

По знанию источников не является самоцелью для художника. На основании исторических материалов он должен воссоздать живое прошлое, жизнь людей, аромат эпохи, должен показать, как складывались судьбы народа.

Точность и подлинность знания эпохи дают писателю ощущение духа времени. Так постигаются контуры забытого в веках, утерянного и скрытого, а теперь подлежащего восстановлению средствами искусства. Так возникает для писателя возможность исторического домисла, плодотворность работы его творческой фантазии.

Изобретатель может продуктивно работать, только опираясь на всю «объективность» современной ему науки, иначе он будет изобретать деревянные велосипеды. Писатель может домислять исторические подробности, фантазировать, только безукоризненно зная все, что достигнуто

историками. Домысел и фантазия писателя в историческом произведении непосредственно связаны с глубиной и обстоятельностью его научно-исследовательской работы над первоисточниками. Эти проблемы неразрывно связаны между собой. В годы войны мысль писателя, естественно, чаще всего обращалась к периодам высшего напряжения народных сил, к образам вождей и полководцев прошлого. И все же только немногие удачные моменты в истории родины оживили в лучших произведениях нашей литературы.

Перед художественно-исторической литературой стоит гигантская задача — воссоздать живое течение истории нашей родины, и какой той непохожий край работы, какое неисчерпаемое множество тем и сюжетов!

Выбор темы, сюжета самого по себе, еще не определяет ни народности, ни национального характера произведения. Точно так же большое количество старинных слов, которые не удержались в обиходе и вышли из употребления, не является признаком овладения языком прошлого. Не цветистость словесной архаики, не нескрепяемость слов, отброшенных народом в его историческом развитии, должно привлекать литератора. Даже прибегая к старинной лексики, он должен отыскивать не мертвые, а вечно живые слова, то золото языка, которое обогатит наше понимание современной речи.

Чрезвычайно важна и проблема жанрового разнообразия исторической художественной литературы. Роман и повесть продолжают оставаться основным видом исторического произведения. У нас мало новелл и повестей на исторические темы.

Анатоль Франс писал, что если центральная проблема романа разрешена через осмысление эпохи, — перед нами роман исторический; если эпоха служит для автора только материалом и могла бы быть без особого ущерба для основного смысла без замены другой эпохой, — роман не является по своей сути историческим. С этой точки зрения наша советская художественная литература располагает наибольшим количеством подлинно исторических произведений. Наши писатели в лучших своих произведениях подошли к материалу истории, вооруженные научным методом исторического анализа, методом Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Этот метод дает возможность выявить самую суть эпохи, изображать исторических героев, как «представителей определенных классов и направлений, а стало быть, и определенных идей своего времени», показывать их, как людей, которые «черпают мотивы своих действий не в мелочных индивидуальных пристрастиях, а в том историческом потоке, который их несет» (Маркс).

Метод, с помощью которого работает советский исторический писатель, — метод социалистического реализма, — метод предельно готовый, легких рецептов. Он не требует неустанного, самостоятельного творческого труда, требует находок, художественных открытий. Он в корне враждебен лживой стилизации. Ему чужды архаизация и увлечение «реалиями», за которыми теряется смысл, содержание эпохи. Он не терпит модернизаторства.

Русская школа исторического романа, созданная Пушкиным и Львом Толстым, всегда была верна исторической правде. Высокая задача советских писателей — продолжать эту традицию. Вооруженная диалектико-материалистическим пониманием исторического процесса, наша литература имеет возможность с исчерпывающей правдивостью воссоздать величественные картины прошлого нашей родины.

Писатель — это прежде всего живой, самый живой, общественный человек. Тот, у кого нет этих качеств, не может стать настоящим писателем. Писатель не зарывался в историю, она должна помочь ему лучше, яснее, полнее понять самое главное — то настоящее, которое живет, борется, кипит вокруг него. Высокое знание «инженеров человеческих душ» дано советским писателям. Поэтому трудно представить себе писателя, который всегда и только исторический писатель. Примеры Пушкина и Льва Толстого показывают, что величайших вершин и в художественно-историческом творчестве достигали именно те писатели, которые были самыми живыми, самыми современными людьми своего времени, совестью своей эпохи.

Подготовка к выборам в Верховный Совет СССР

ПИСАТЕЛИ — КАНДИДАТЫ В СОСТАВ ОКРУЖНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ ПО ВЫБОРАМ В СОВЕТ СОЮЗА

По всей стране продолжается выдвижение кандидатов в состав окружных избирательных комиссий по выборам в Совет Союза.

Среди выдвинутых кандидатов известные писатели и литераторы.

Общее собрание учителей г. Ялты выдвинуло кандидатом в состав Севастопольской окружной избирательной комиссии по выборам в Совет Союза писателя-орденоносца Петра Андреевича Павленко.

Новосибирское отделение Союза советских писателей рекомендовало в состав Новосибирской окружной избирательной комиссии по выборам в Совет Союза поэта Александра Ивановича Смердова.

Профсоюз работников высшей школы и научных учреждений г. Алма-Аты выдвинул кандидатом в состав Алма-Атинской окружной избирательной комиссии по выборам в Совет Союза директора Института истории, языка и литературы Казахской ССР Негмата Саурабаева.

У ДРАМАТУРГОВ

Наша страна готовится к выборам в Верховный Совет СССР. Агитационное значение художественной литературы, особенно оперативного ее жанра — малой формы, в предвыборной кампании очень велико.

Перед советскими драматургами стоит ответственная и почетная задача: обеспечить репертуар для эстрады и самодеятельности на темы, связанные с выборами в Верховный Совет. Репертуар этот, разнообразный по форме — от пьесы до куплета и канонады, от новеллы до радиооперы — должен быть рассанит не только на стационар, но и на самые примитивные сценические площадки.

Этим вопросам было посвящено совещание, организованное на днях комиссией драматургии малых форм Союза советских писателей и Московским комитетом драматургов. В совещании приняли участие представители ЦК ВЛКСМ, музыкального управления ВКИ, ВГКО, эстрадного сектора художественного радиовещания, драматурги В. Ардов, А. Глебов, А. Арга, В. Титов и другие.

Намечены встречи драматургов с актерами и композиторами, посвященные обсуждению новых произведений.

КНИГА ПЕСЕН НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

ИРКУТСК. (От наш. корр.) В предстоящих выборах в Верховный Совет Иркутской области в Иркутском издательстве выпускается книга песен народов Восточной Сибири — якутов, бурятов, эвенков, ненцев. До Октябрьской революции даже такие народы, как якуты и буряты-монголы, не имели своей письменности. Устная песенная поэзия племенных и племенно-племенных народов Севера Азии малоизвестна. Поэты советской тундры и тайги создали новые песни, являющиеся политическими и художественными документами эпохи социализма. Благодарность партии Ленина — Сталина и советской власти, давшим Северную жизнь, радость бытия, свободный труд, чувство братской дружбы, ко всем народам Советской родины, — таковы основные мотивы новых песен некогда вымирающих племен. В сборнике — рассказы «Великая Отечественная война в песнях народов Восточной Сибири», «Песни труда», «Лирические и бытовые песни».

Переводы — А. Ольхона. Предисловие написал Г. Кувшинов. Книгу оформляет иркутский художник Н. Шабалин.

БАШКИРСКИЙ СБОРНИК

УФА. (От наш. корр.) На открытом партийном собрании писателей Башкирии обсуждался вопрос о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР. Собрание вынесло решение об издании к выборам специального сборника стихов, рассказов и очерков.

В предположении к изданию сборник войдут поэмы С. Кулаша «Закон счастья», стихи и очерки Р. Нигматя, Г. Гумеровой, В. Бикбай, А. Валеева, К. Даянова, Тажи, С. Кулибай, М. Сюндюкля, С. Агиз, А. Киреева и др.

То советской СТРАНЕ

ЮБИЛЕЙ «МАНАСА»

ФРУНЗЕ. (От наш. корр.) На первом заседании Комитета по проведению 1100-летнего юбилея эпоса «Манас» заслушан проект плана юбилейных мероприятий. В Москве, в Гослитиздате, возобновляется издание перевода первой части «Великого похода» на русском языке. Подготавливается перевод второй части, объемом в 25 печатных листов. На киргизском языке будут изданы обе части, а также все трилогия. Подготовлен выпуск первого тома академического издания «Манаса» (60 печ. лист.) и сокращенный прозаический переклад на киргизском и русском языках.

РАДИЩЕВ В СИБИРИ

ИРКУТСК. (От наш. корр.) Многие годы прожил в Сибири замечательный русский писатель А. Радищев. Автор «Путешествия из Петербурга в Москву», как известно, был вынужден вместе со своими детьми совершить под конвоем горестный путь на берега глухого Илима. После мучительных останков в Тобольске, Томске и Иркутске, Радищев в начале 1791 года был привезен в безлюдный остров. Годы, проведенные им в близости Илимской тайги, остаются до сих пор «белым пятном» в его биографии.

Недавно в Иркутском отделении ССП состоялось обсуждение работы Ал. Александровича «Радищев в Сибири». Автор привел все публикации, касающиеся жизни и деятельности Радищева в Сибири, включая эпистолярное наследие писателя, подготовленное к печати Иркутским издательством в переводе на русский язык (Радищев писал письма по-французски). Особый интерес представляют новые документы, обнаруженные в Иркутском государственном архиве, в фондах так называемой «Илимской воеводской избы».

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ РАССКАЗ

СИМФЕРОПОЛЬ. (От наш. корр.) Редакция газеты «Красный Крым» провела литературный конкурс на лучший рассказ, очерк и стихотворение, посвященные Крыму. На конкурс поступило 184 произведения. Две вторых премии по 1500 рублей присуждены ялтинской учительнице Богдановой и офицеру Серману за стихи. 15 лучших рассказов, очерков и стихотворений будут изданы отдельным сборником.

«ЧЕТВЕРГИ» ОМСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ОМСК. (От наш. корр.) При Областном государственном издательстве создана литературная группа. В нее вошли писатели Л. Мартынов, Мих. Максимов (Марк Липович), П. Драветт, С. Залыгин, Ин. Шухов, Вл. Судачков, И. Корочкин и др.

На еженедельных собраниях группы («четверги») обсуждаются новые произведения омских писателей. Уже обсуждены творчество М. Максимова, Н. Скрынниковой, В. Угрюмова, С. Залыгина, К. Бурдугиной, Н. Москалева, Л. Шенюка. Участники «четвергов» прослушают цикл лекций о русских классиках. Почтены лекции о творчестве Л. Толстого, М. Горького, В. Маяковского.

На-днях на «Литературной среде» в редакции газеты Московского военного округа выступили молодые поэты. Вступительное слово сказал П. Антокольский. На снимке: поэты — участники «Среды» — Вероника Тушнова, Семен Гудзенко, Павел Антокольский, Юлия Друнина и Виктор Уран. Фото М. Петрова.

Аалы ТОКОМБАЕВ ИССЫК-КУЛЮ

Горные отроги — в белых жемчугах, Снежные вершины тонут в облаках. Иссик-Куль везловоно среди гор возник, Чем-то он извлекло, буйный озорник?

Льется, счастья полный, резавай, как дитя, И друг другу вальсы шлешь поклоны, шутя, Зеркала прозрачной чистой вода, Видно, грязь боится заглянуть сюда!

Облик Иссик-Куля предло мной встает, И незлобно вижу я родной народ. Вьюху чистоту я всех его сердец, Чист, как Иссик-Куль, он, — как его отец!

Иссик-Куль! Гордиться можешь сыном ты,

Одарила державу исполнимо ты. Слава Иссик-Куля сыну дороге, Он пошел на битву — одолеть врага.

Для свободы светлой сотворен джигит, Сын твой верен долгу, за отчину мстит. Здесь, в тиши глубокой, вдалеке от пуль, Хорошо вдл исполнил долг свой, Иссик Куль?

Перевел с киргизского С. Линкина.

Ральф ПАРВЕ ТАЛЛИНСКИЕ СТРОФЫ

В окно-выномком упрямый хмель вползает. В каштанах пенне пни, сныие дна. Твоим том бужае хор читает И голубой под крышей воркуют. Млех элетуев шилили крыш высоких, Сперт воздух вестибюльных туников. Дверей старинных тжак вздох глубокий И тянет тлением из погребов.

Но в этом доме все тебе родное — В нем ты сдружилса с песней молодой.

А когда старинных зданий плиты Овеает сумрак голубой, Мы у званья грустной Линды, Милая, встречаемся с тобой. Нежность, за скамьею сад зеленый, Радость, целый мир открыт для нас. Зеркало правдивое влюбленных — Отражение наших глаз.

И когда в рассвет уходит Таллин — Я не одинок и не печален.

Когда же ляжет в колес дорог Сноп солнца, истомленного жаром — Не обнимет древний Кадринор, Взлетят сухие листья под ногою. А с моря древних башен слышат Тебе в глаза и сердце проноивает, С зальна ветер, бурей льяловый цвет, На взвяхреных тропниках листьев стая.

И когда в рассвет уходит Таллин — Я не одинок и не печален.

И вдалеке от города родного, Среди войноу вздыбленных путей Ты знал — на этой почве извостковой Не гаснет пламя юности твоей. Ты по степным дорогам кочевал... Когда на солнице выжженных просторах Ты присягал руке поднимал — Мерцалиа тебе любимый город.

И вдалеке — святой обет бойца Ты выполнял, как должно, до конца. Перевел с эстонского Всеволод Азаров.

* Линданиса — старинное название Таллина.

Лев КОНДЫРЕВ ПОДОРОЖНИК

В канаве растет подорожник До самых корней промысленный — Воспой его в песне, художник, Дай красок растению зеленых.

Почти его мудрым вниманьем, Словами любви и привета. Ведь он — подорожник — в скитаньях Был спутником верным поэта.

Вглядысь в его листья косые, Быть может, прожмолк резьбою. Легли в них дороги России, Пролетевшие в жизни тобою.

А может быть, он — подорожник — Хранит на откосе незримо Мечты твоей поступь, художник, Скользящей с улыбкою мимо.

70-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

24 ноября исполнилось 70 лет со дня рождения А. В. Луначарского. Эта дата была отмечена собранием, устроением Всероссийским театральным обществом совместно с Государственным институтом театрального искусства им. Луначарского в Московском доме актера.

Выступивший с докладом И. Альтман подробно охарактеризовал разностороннюю литературно-критическую, исследовательскую и художественно-творческую деятельность А. В. Луначарского, подчеркнул его

огромные заслуги в области советского литературоведения и искусствознания. Интересными воспоминаниями о своей долготелой дружбе и совместной работе с А. В. Луначарским поделился Н. А. Семашко. Директор Гитис С. Мокшувский в своем выступлении отметил ценность научных трудов А. В. Луначарского для воспитания молодых кадров советской художественной интеллигенции. О бережном, внимательном отношении А. В. Луначарского к работникам искусства рассказал М. Нароков.

Вечер закончился концертом.

Творческий вечер Аалы Токомбаева

Поэтическое мастерство народного поэта Киргизии А. Токомбаева сформировалось под благотворным влиянием произведений Пушкина, Лермонтова и других русских классических писателей. Усвоив русскую культуру, А. Токомбаев остался глубоко национальным поэтом. Поэт проникновенно вслепляет неотъемлемые киргизские поля, высокие горы, мужественных и отважных людей Киргизской республики. Родина для писателя — неиссякаемый источник вдохновения. Она

водички, народные артисты Киргизской ССР, композиторы В. Власов и В. Фере, народный художник Киргизской ССР С. Чуйков и др. С. Линкин охарактеризовал многостороннюю творческую деятельность А. Токомбаева, дал оценку его произведениям, начиная с первого стихотворения и кончая произведениями, созданными за последнее время. Докладчик подробно остановился на романе в стихах «Кровавые годы». В первой части романа исторически правдиво показаны «годы смуты и бедствия», нарисованы мрачные картины быта киргизского народа, восставшего против царизма в 1916 году. Во второй части романа изображена жизнь киргизского народа после Великой Октябрьской революции.

Любовь к родине с особой силой запечатлена в стихах, написанных поэтом в период Отечественной войны.

27 ноября в Союзе советских писателей состоялся творческий вечер А. Токомбаева. На вечере присутствовали представители киргизской интеллигенции, проживающие в Москве, московские писатели, поэты, пере-

Л. ТООМ Год спустя

Прошел год с небольшим с тех пор, как алое полотно, воздвигнутое руками советских бойцов, вновь запылилось на башне Длинного Германа, оживившая собой, освещая путь по бульварам и паркам, окшая ружьями Вышгород. Заработали фабрики и заводы, окутаны дымом серо-каменный, грозный силует города, как он рисуется с моря; открылись магазины, среди них много книжных и букинистических, на рынке радуют взор возы со свежими овощами, груды мяса, столы с разложенными на них кругами колбасы, брусками превосходного эстонского масла. Веселая, по-таллински нарядная детвора спешит в школы, у касс кино по вечерам выстраиваются очереди.

Таллинский театр «Эстония» сильно пострадал от бомбардировки. Труппе этого театра приходится работать в малорядном помещении кино. Эстонский государственный Балетфлот яются под одной крышей, по очереди, но несмотря на это одна премьера следует за другой. К голливудским освободителям Эстонской ССР оперной труппой театра «Эстония» впервые была поставлена новая опера талантливой Эугены Каппа «Памя мшеница» на тему восстания Юрьевой ночи в 1343 году. Постановка этой первой эстонской советской оперы, стихотворный текст которой написан Паулем Румом, является немаловажным событием в культурной жизни Эстонии.

В конце сентября эстонская общественность отметила семидесятилетие своего национального театра. В эти дни были обновлены постановки двух пьес знаменитых эстонского театра Лидии Койду. Началась подготовка к двенадцатому об-

Письмо из Таллина

Из произведений современных писателей старшего поколения переизданы: «Маленький Иллимар» Фридриха Тулгаса, одна из лучших книг о детстве, заслуживающая внимания не только эстонского читателя; роман «Болото» народного писателя ЭССР Оскара Лутса и сборник рассказов под заглавием «Нарывы» престарелого писателя-глагола Эриста Сяргата. Все эти произведения стали классикой эстонской литературы.

Переиздаются также одиотомники и двухтомники избранных произведений крупнейших представителей эстонской литературы — Иоганнеса Барбаруса, Аргуста Акбонна, Иоганнеса Семпера, Яна Кярнера, погибшего в этом году талантливой поэта Юхана Сюттисе и других. Уже вышли из печати сборники Акбонна и Кярнера, двухтомник стихов Барбаруса слав в печать.

Переходя к новым эстонским книгам, изданным за год в Таллине, мы прежде всего отмечаем значительное преобладание поэзии над прозой. «На фронтовых дорогах» Иоганнеса Барбаруса, «Новые мосты» Марта Рауда, «Душные дни» Юхана Сюттисе, «Пол-плавания свободом» Деборы Вааранди, «Не отдам оружие» Аяры Каал, «Из души бойца» Ральфа Парве и «Родная земля» Минни Нурме, почти все это — поэзия, острое отражение недавних дней борьбы с фашистами за освобождение родины. И в то же время из двух книг прозы лишь одна — сборник рассказов Алу Хинта «Дикие годы» — относится к современности, к голливудским войнам.

Мало сколько-нибудь значительных прозаических произведений и в первых четырех номерах журнала «Лооинг» («Творчество»). Поэзия в журнале представлена сильными стихами Барбаруса и Сюттисе, интересной поэмой Рауда «Октябрь», своеобразной, полной поэтического очарования стихотворной сонетой Ральфа Парве «Подылающим свободом» и «Расставание», стихотворением Аяры Каал «Утро победы». Рассказы же незначительны по содержанию. Несколько выделяется рассказ Пауля Виндинга «Жерта». Убедительно и правдиво автор рассказывает об учителе, растерянном немцами по доносу кулаков.

Письмо из Таллина

В номере 5—6 помещена большая героическая повесть писателя-фронтовика Эдуарда Минника «Путь корабля». Это повесть об эвакуации женщин и детей на грузовом пароходе, мужественно проявляющем путь среди мин и под обстрелом.

В № 7 — 8 рассказ Арнольда Тулика «Освобождение» остро ставит вопрос об известной части эстонской молодежи, выросшей в буржуазной Эстонии и презрительно относящейся ко всему, что идет с Востока. Арнольд Тулик, молодой писатель, с беспощадной правдивостью разоблачает внутреннюю пустоту этой молодежи. Он показывает далекие переживания подобного юноши в суровых условиях фронта и советского тыла.

Созучая рассказу Тулика поэма молодого поэта-фронтовика Ральфа Парве «Сталь». Это — попытка обобщить все, что пережило автором за годы войны, что закаляло не только его, но и многих эстонских юношей и сделало из них советских бойцов. «Нелюбимое» Эдуарда Минника изображает героическую работу шоферов, подвизавшихся в борьбе с фашистами в момент тотальной наступления.

Читая последние номера «Лооинг», чувствуешь, что эстонским писателям найдена, наконец, тема, которая будет востребована в течение нескольких лет. Это — тема рождения, роста, закалки в суровых условиях напряженного труда и борьбы. На эту же тему написаны две пьесы: «Приказ времени» Иоганнеса Семпера и «Закляк» Марта Рауда. В Октябрьские праздники обе пьесы были показаны эстонским зрителям: пьеса Семпера шла в театре «Эстония», пьеса Рауда — в Драматическом театре.

Новый роман Андрея Улитса

Роман «Зеленая земля» написан Андреем Улитсом в Кеттине близ Кирова, в ту пору Отечественной войны, когда Латвия была оккупирована немцами. Автор назвал свой роман историческим. Действие его разворачивается в Латвии в 80-90-е годы прошлого столетия. В экономическое и культурное жизни страны в этот период происходили значительные сдвиги.

По свидетельству самого Андрея Улитса, его всегда влекло заглянуть в «чужую социальную жизнь народа, увидеть там непримиримые классовые контрасты, противостоящие экономическим интересам и противоположные стремления» (Автобиографический сборник «Утренняя стража»). Распад патриархальной жизни латвийского крестьянства, идеологическая неустойчивость крестьянской интеллигенции, формирование буржуазии и пролетариата — такая тематика многочисленных новелл, романов и драм Андрея Улитса.

В романе «Зеленая земля» Улитс показывает жизнь в самом будничном ее тоне. В основу сюжета легла борьба между двумя землевладельцами, кандидатами в волостные старшину. Наряду с главными действующими лицами автор выводит богатую галерею лиц: владельцы усадьбы, арендаторы, исполнители, батраки, ремесленники, бобылы, мелкие чиновники, бедняки нравственно опустившиеся люди показаны как и личные взаимоотношения, так и в столкновениях их общественных интересов. Правдиво и убедительно Андрей Улитс изображает жизнь народа.

Высокое мастерство Андрея Улитса как прозаика хорошо известно по его прежним романам («Смерть Робинзона», «Улыбающийся лист», «Сестра Гертруда», «Первая ночь») и повестям («Метаморфозы», «Голая жизнь»). Сила художественной образности в романе «Зеленая земля» — новое свидетельство зрелости таланта крупнейшего современного латвийского писателя.

Рудольф ЭГЛЕ

Андрей Улитс. «Зеленая земля». Издательство ВАПП. Рига, 1945.

Биография Хачатура Абовяна

Хачатур Абовян, известный армянский писатель, педагог и этнограф, жил в эпоху персидского владычества (1805—1848 гг.). Ориентируясь на Россию, он был яростным противником Персии. В романе «Раны Армени» Х. Абовян показал беспросветную жалкую жизнь армянского народа под игом персов. В романе описан период войны России с персами в 1828—1829 гг. Центральным героем романа — Агаши, идеального гражданина и патриота, предшественника героев патриотов второй половины XIX века. Написан роман на живом армянском языке. До этого произведения писались «грабаром» — староязычным языком.

Жизнь и литературная деятельность Х. Абовяна привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей. Недавно издательство ВАПП в Ереване выпустило в свет книгу Е. Шахазиза в результате подолженного и тщательного изучения материалов написан биографию Х. Абовяна. Книга читается с одинаковым интересом как специалистами литературоведов, так и широкими слоями читателей. Биография Хачатура Абовяна вышла в издательстве Армия.

Иллюстрация художника Г. Еченстова к «Дон Жуану» Байрона, выходящему в переводе Г. Шенгеля. (Гослитиздат).

Посещение писателя Ясной Поляны

В связи с 35-летием со дня смерти Л. Н. Толстого Ясную Поляну посетила делегация Союза советских писателей: В. Лебедев, Куман, В. Ивер, Л. Сефидулина, М. Алигер, Н. Ляшко, К. Паустовский, В. Григорьев, В. Шкловский и другие писатели и литераторы. Вместе с делегацией Ясную Поляну посетили потомки Л. Н. Толстого: внучки и внуки — Софья Андреевна Толстая-Есенина, Анна Ильинична, Илья Ильич и Владимир Ильич Толстые и правнучки — Никита и Александр Толстые.

Побывав в доме, в котором долгие годы

жил и творил гениальный русский писатель, а также в литературном музее, писатели вместе с родственниками Л. Н. Толстого направились к его могиле и возложили венок от Союза советских писателей. Вечером в школе, основанной Л. Н. Толстым, состоялось собрание, в котором приняли участие писатели, учителя, учащиеся и яснополянская колхозница.

На снимке: делегация у могилы Л. Н. Толстого.

Фото Л. ДОРЕНКОГО. (Фотохроника ТАСС).

Вас. ГРОССМАН

Из записной книжки ЯСНАЯ ПОЛЯНА В ОКТЯБРЕ 1941 ГОДА

Ясная Поляна. Я предлагаю своим спутникам, измученным ночной дорогой, заснуть. Наша легковушка сворачивает с обездвиженного шоссе. Среди курчавого золотого осеннего леса видны зеленые крыши и белые стены домов. Вот ворота. Чехов, приехав сюда в первый раз, дошел до этих ворот, оробел от мысли, что увидит через несколько минут Толстого, вернулся на станцию, уехал в Москву. Дорога вымощена рыжими, красными, желтыми листьями. Красиво и тихо. Но мы знаем — чем красивее, тем печальнее, мы знаем тревогу тишины. На воле не радуется красота природы, не утешает тишина. Слева пруд. И о пруде этом есть много рассказов, и о каждой дорожке, и о деревьях, и о фруктовых садах, и о березах — все это связано с дорогими нам именами: Тургенев, Чехов, Гаршин, Репнин, Горький... И над всем этим и сейчас Толстой, упрямо и глубоко пустивший мочу свои корни в жизнь. В доме предотвещая злая лихорадка: со стен сняты картины, книжные шкафы пусты, со столов сняты скатерти, из кабинета убраны книги, журналы. Кровати стоят пустые, с них сняты одеяла, подушки, простыни. В прихожей и в первой комнате нагромождение забытых вещей, узлов, Закулачина. Я бывал в Ясной Поляне в тихие, мирные времена, когда не было ни войны, ни революции, когда чтобы создать и посетители ощущение, идиллического уютного дома. Стол был накрыт, перед каждой тарелкой лежали вилки, ножи, салфетки в кольцах, на столах стояли свежие цветы. И все же то было не жилой дом, а музей. Ни солонки с солью, ни кастрюли и переноски, ни застеленные постели, ни книги, раскрытые на столах, — ничто не могло создать ощущения жизни в доме, из которого ушел Толстой. И сразу же, когда входил в дом, надевал на ноги шпильки из тряпок туфли, когда слышал голос экскурсовода, когда глядел на торжественные постели лица экскурсуантов, — чувствовал, что хозяин дома умер, что хозяйка умерла, что это не дом, а музей.

И вот сейчас я почувствовал, совсем понимаю, что это не музей, а жилой дом, что Россия, выходящая в осенние дороги, обжитых домов на черные осенние дороги, судьба, не шальная ни мимолетная, ни заброшенная в деревенской избу, ни заброшенная в пустыню, а живая, что судьба не комарила и дом Толстого, что и он, толстойский дом, наступил в тяжелый путь, под дождем и снегом, но не имевший края и конца дороге, вместе со всей страной, вместе с сиротами, вместе с народами. Это горе, возвращение в дом, сделало его сухим, живым, страждущим среди миллионов таких же сухих, живых, страждущих домов.

И я вдруг почувствовал — вот они, Лысье Горы, вот выехал старый, больной князь, и все слепило, слепило в нечто единое, то, что было больше ста лет тому назад, и то, что происходит сегодня, то, что описано в книге с такой силой правды, что кажется не судьбой старого князя Болконского, а личной судьбой старого графа Толстого, чего уже нельзя отделить от жизни Толстого, что стало единственной и высшей правдой об ушедшем и вновь посещающем нас страданиях, о прошедшей сто лет назад войне. Семья Болконских и писанной о ней этой выдуманный рассказ Толстой, та война и эта смелость, стали в этот горьковский и страдальческий, отступивший той войны, далекой, ушедшей в историю войны, наверное, он плакал, когда описывал приезд в разоренное гнездо князя Андрея Болконского, когда описывал смерть старого князя, которого никто не помнил в

лучше было бы, если бы в сборнике, вместо отрывков из нескольких пьес, была помещена одна пьеса полностью, по которой можно было бы судить о драматургическом творчестве таджиков, нуждающемся во внимательной критике. Как уже было сказано, сборник «Литературный Таджикистан» проникнут духом патриотизма, любви к родине. Произведения, помещенные в нем, говорят о росте самосознания таджикского народа, о понимании им высоких общественных задач. Однако следует указать таджикским поэтам, прозаикам и драматургам на то, что их произведения подчас наивны, схематичны, условны. Не всякая положенная на стихотворный размер строка может быть названа поэтической. Не всякий пришедший в голову замысел может составить содержание рассказа. Не всякий разговор двух лиц называется драматургическим диалогом. Правда, мы делаем свои выводы только на основании переводов, которые могут быть недобросовестны или нерешительны, но все же они, выходящие из души поэта, не поддаются даже в холоде перевода. Настоящее вдохновение и мастерство зажигают и переводчика. Примером тому — сборник «Молча», написанный в 1937 году переводчицей стихотворения, которое оставляет тебя равнодушным, то и сам не находишь в себе ни мастерства, ни вдохновения. Только ли переводчик виноват в том, что в сборнике появились такие строки:

Молчана вступил в станицу, зарылся, Огня селитры мгновию растерялся, И вот уже к земле пригвождена Погибшего кончица жена...

Великие комические строки! Если в авторском тексте нет ни «мгновению растерянного отца семьи», ни «погибшего кончица жены», которая неизвестно чем пригвождена к земле, то такое четверостишие является большим грехом переводчика (П. Бану).

С. Горюцкий, например, в стихотворении Саида Али Вали Зола «Любимому Сталину» допускает такую строку:

Нетронутое поле

Письмо из Киева

В украинской прозе последних двух лет есть заметные недостатки. Это — уклон к описательности, преобладание очерка, а весьма пребрехное изображение действительности.

В русской литературе военных лет этот, так сказать, разведывательный период был сравнительно коротким. К началу решающих побед русская проза вышла на путь широкого общения с событиями. Мы узнали из новых русских произведений о новых характерах и судьбах.

Большую тему питали большие события. Оборона Москвы в героический подвиг панфиловцев, Разгром немцев под Сталинградом, Героический бой под Ленинградом в тяжкие дни блокады, Героика комсомольцев Краснодона, Эпизоды освободительных боев в Украине. Восстановление народного хозяйства. Вот содержание романов, повестей, рассказов Шолохова, Леонова, Фадеева, Симонова, Катаева, Караванова, Шаткина, Гладкова, Гроссмана, Горбатова.

Русские писатели занялись изображением выдающихся событий с тем, чтобы раскрыть характер советского человека, нравственный силу соучастников и творцов величайших событий.

На Украине «разведывательный период» затронул. «Запорожцы» Петра Панча — единственный роман, появившийся в 1944—46 гг., посвященный исторической теме; историческая же тема посвящена повести А. Бойченко «Молодость» и Ф. Бураки «Битва на Кошмы». За эти два года вышли в свет только пять повестей на современную тему, заслуживших внимания: «Киевская соната» Ю. Яновского, «На боевых дорогах» А. Гуреева, «Стелая волна» П. Ходченко, «Добрый сосед» Ю. Мартыча и «Сердце Беркута» А. Доженко (повесть для детей).

Многие украинские писатели вспоминают о себе имену Ивану Сенченко за эти два года печатал один рассказ «Три встречи», Александр Копыленко — два рассказа «День светлый» и «Неумолима жемчужина», Алексей Кувидин — четыре рассказа: «Украинская хата», «Живые», «Ой, ты, Галия», «Дорогами войны». Анатолий Шлях опубликовал два рассказа — «Обыкновенная девушка», «Олеся» и очерк «Партизанский край».

Но и качество этих произведений зачастую никак не соответствует традициям русской и украинской литературы. Огромные события не нашли удовлетворительного отражения в украинской литературе. Вот, например, в которой Сталинград — Корсунь — Шенюковск — Керчь — Крым — Севастополь — только отрывочные наблюдения участника событий. Повесть «На боевых дорогах» Алексея Гуреева о девушке на войне — это вереница отдельных эпизодов.

Возьмем, к примеру, рассказы С. Склярченко «Гуцулы», «Соседи», «Земляки», «Скрипач из Новороссии». Узнаем о войне-гуцулы, который в Карпатах преследует, как охотник зверя, немца. Узнаем о том, как боец помог товарищу преодолеть стезю в бою. Вот еще эпизод, раскрывающий дружбу казака и украинца. И еще один эпизод — друзья скрыли от раненого бойца известие о гибели его семьи. Что, ни рассказ, то как-то отрывочны, как повествование бойца, мол, убит, портрета бойца мы еще не знаем, мол, восстановление народного хозяйства также не нашли отражения в нашей литературе. Днепр не возродился и модернизируют. Добавсь все превратился в огромную мастерскую. Самоотверженный труд киевлян на строительстве Крещатика. Восстанавливаются города и железнодорожный транспорт Украины. Но лишь один Ю. Мартыч в повести «Добрый сосед» сделал попытку описать первые дни освобождения Киева. Огромная тема возрождения колхозной Украины пока превращается в вымысел только Павла Ходченко («Возрожденные») и Ивана Сенченко («Три встречи»).

Ни одной повести, ни одного романа на партизанскую тему, кроме произведения Ю. Яновского «Киевская соната». А советское подполье в тылу немцев? Эпопея молодой гвардии Краснодона записана верой талантливому русскому писателю, украинские же писатели пока прошли мимо этой темы.

Большая украинская советская литература не может ограничиться публикацией одних зарисовок, беглых очерков, небольших рассказов. Мы знаем, что «дореволюционные» произведения — их мы должны рассматривать как залог ближайших творческих побед. Мы знаем о законченном романе Ю. Смолича «Они не прошли» (борьба с немцами в Харькове). Иван Ле готует к печати роман «Рахвал», Борзенко «Полный закон отчуждения». Закончен большой рассказ И. Гордиенко «Буйвар», В. Соко «Кавказ». Нам хотелось бы, чтобы и другие украинские прозаики усилили свою творческую деятельность.

Гр. ОВЧАРОВ.

Толстой на латышском языке

РИГА. (От наш. корр.) Союз советских писателей Латвии отметил 35-ю годовщину со дня смерти Л. Н. Толстого вечером в клубе писателей. С докладом о творчестве великого писателя выступил Валдис Гревиньш. Библиограф Карлис Эгле прочел реферат «Лев Николаевич Толстой на латышском языке».

Заслуженные артисты Лидия Берзина и Артур Филлипсон прочли отрывки из произведений Л. Н. Толстого.

Мы знаем, что «дореволюционные» произведения — их мы должны рассматривать как залог ближайших творческих побед. Мы знаем о законченном романе Ю. Смолича «Они не прошли» (борьба с немцами в Харькове). Иван Ле готует к печати роман «Рахвал», Борзенко «Полный закон отчуждения». Закончен большой рассказ И. Гордиенко «Буйвар», В. Соко «Кавказ». Нам хотелось бы, чтобы и другие украинские прозаики усилили свою творческую деятельность.

Судя по произведениям, напечатанным в «Литературном Таджикистане», среди таджикских писателей есть настоящие дарования; их не хватает иногда мастерства, умения справиться с материалом, с темой, но, развиваясь в упорном труде, таджикские писатели, вне всякого сомнения, достигнут того высокого уровня, на котором должен находиться каждый из отрядов советской литературы.

Границы художественного вымысла

На дискуссии в исторической секции ЦСР

Проблема вымысла и действительности в художественно-исторических произведениях всегда занимала писателей исторического жанра. Не удивительно поэтому, что дискуссия на эту тему, состоявшаяся недавно в исторической секции ЦСР СССР, привлекла очень оживленно. В ней приняли участие писатели, историки и литературоведы. Во вступительном слове Е. Лани подчеркнул, что вопрос о соотношении между правдой и вымыслом в художественно-историческом жанре — стержневой вопрос.

Исторический писатель прибегает к интуиции и подставляет вместо исторического факта вымысел в трех случаях: когда он знает, что в исторической науке он не находит «белое пятно», когда он не знает исторического факта, потому что не искал или искал просто потому, что не искал; и, наконец, когда он сознательно подставляет вымысел вместо факта.

В первом случае писатель имеет законное право опереться на свою интуицию хотя бы по той причине, что в истории любого народа — необходимое количество «белых пятен». При решении же вопроса, вправе ли исторический писатель подставить вымысел вместо не найденного им факта (а историками этот факт найден), писатель должен исходить из того же самого принципа, из которого он исходит, когда сознательно подставляет вместо исторического факта вымысел. Этот принцип определяет основную задачу, которую призван решать исторический писатель в отличие от историка, — в центре внимания его прежде всего должен стоять человек. И эта же задача — построить человека, который определенное действие, определенную границу отступления от исторических фактов, когда писатель отходит от них сознательно.

Но в области «реальной» истории должен точно следовать данным, разработанным исторической наукой.

Разумеется, — говорит С. Голубов, — что для установления подлинно исторического взгляда на жизнь необходимы факты. Игра воображения — не история. Но и музей фактов — тоже не история. И описывать факты — не художественно-историческая литература. Верно, что мы чаще используем факт, как готовую правду. Но разве, вместе с тем, мы не отвергаем иной раз факт, как ложь, хотя бы он сам по себе и оставался фактом? Художник пишет эпоху. А под его перо ложится мелкий штрих дня или минуты. Это значит: факт обманул, и картина искажалась. Художник старательно нащупывает рычаг неизбежности, который определенное поведение его героя. Но стоит только нажать кнопку случайного факта, — и герой полагает на ходулях. Встречаются порой безусловные правды факты, поражающие, однако, своим неправдоподобием. Не надо забывать и того, что самые существенные стороны жизни обычно отражаются в фактах с большим запазданием.

Мне кажется, что название этой дискуссии «Правда и вымысел» не совсем удачно, — заявил в своем выступлении С. Марков. — Ведь вымысел — это нечто, лежащее вне искусства, литературы, науки, техники. Не лучше ли — «провидение», умение провидеть, постигать истинный образ, истинные пути? Мы пишем на исторические темы, — для этого нужно подробно изучать эпоху, жизнь исторических лиц, среду, постигать не одну, а, может быть, несколько наук. На основании всего этого и рождается уже не вымысел, а ощущение, а затем постижение истины. Этим путем сделаны величайшие открытия в науке и литературе. Тут, как нигде, нужно уметь больше познавать и ощущать. Нам нужно уметь провидеть, постигать прошлое, славную историю нашей страны и ее народов. Только так можно создать образ народа-делателя и мейстера, открывателя и воина.

Проф. К. Базилевич считает, что исторический писатель не должен ограничиваться заполнением пробелов в документальном материале. Посредством творческого процесса он должен воссоздать перед нами, людьми другого времени, полную картину прошлого. Правдивость художественно-исторического произведения должна прежде всего заключаться в полном соответствии его с нашими научными представлениями о данном обществе и его людях. Писателю необходимо в совершенстве владеть историческими источниками по избранной теме и хорошо знать научную литературу. Это поможет ему избежать ошибок и неточностей, когда отступление от фактов не вызывается условиями творчества.

Художник должен давать описываемые им события в исторической перспективе. Обычная ошибка заключается в неумелой и вредной модернизации. Примером может служить образ Ивана Грозного, который

Я звал вас в пыльный рай Необразимых стад, Делить все, чем богат, Я был бы с вами рад.

Когда-то, говорят, Сюда съезжали тех, Кто с головы до пят Укнутан в темный грех... Но было и не так! Труби, нора-ост мочуг, Кто райских птиц косяк Летит меж снежных туч!

Косая безгрешных душ Ему — наперерез! Пути, зима, завьюжь! В снегах Эрицинский лес, Чьи корни до сердец, Вершины до небес! Я звал вас много раз Сюда, в Эрицинский лес, Чьи корни до сердец, Вершины до небес! И на степной простор, Где никогда не гас Пастушеский костер.

В некоторых произведениях больше приближается к типу государственных деятелей XIX и даже XX века, чем к людям XVI века, когда он жил и действовал.

К. Осипов указывает, что к решению проблемы правды и вымысла в художественно-исторических произведениях нужно подходить с большой осторожностью. Когда дело касается основных исторических фактов, то, по мнению К. Осипова, вымыслу почти нет места. Нельзя в интересах развертывания сюжета искажать природу события. Но с историческими историческими фактами писатель может обращаться гораздо свободнее. Он волен тасовать мелкие подробности событий, смешать их во времени, видоизменить, придумывать новые и т. п. Нужно только, чтобы не было слишком резких, исторически не оправданных расхождений с обстановкой изображаемой эпохи.

В. Сафонов считает, что исторический писатель в своих произведениях прибегает к вымыслу, а к гипотезе. И хотя гипотеза это художественная, но к критике ее нужно подходить так же, как подходить и к всякой другой гипотезе. Если такая гипотеза противоречит твердо установленным фактам, то она не годится. Образ Ивана Грозного находится в таком противоречии с известными нам ныне фактами, что гипотеза А. К. Толстого надо отбросить. Но возьмем сцену из романа «Война и мир», где Наполеон треплет за ухо Балашова. Толстой отлично знал, что в исторических документах говорится: Наполеон сделал это не с Балашовым, а с Колленкурмом. Как мог Толстой, написавший, что «истина — есть моя прекрасная дама», сознательно исказить факт? Но было ли это на самом деле искажением? Толстой прибег к этому приему только для того, чтобы еще одной черточкой объяснить Наполеона как он его понимал: честолюбива-заисователя.

В роман Толстого сохранился в своем выступлении Л. Гроссман. По его мнению, в построении исторических романов сказывается два противоположных принципа. Один выражен Диомидом: «История это только гвоздь, на который я вешаю свою картину». Другого придерживается Л. Н. Толстой: «Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами».

Следует традиция родной литературы. Толстой в своей великой эпопее исходил из художественного историзма Пушкина. «Капитанская дочка» выросла из научного исследования поэта о Пугачеве. Главным героем Толстого, по его собственному свидетельству, — правда. Но это правда художественная, т. е. подтверждающая действительность переработанное воображением. Права фантазия в историческом романе определяются двумя моментами — идеей автора и его стилем. В этих границах элемент вымысла становится закономерным.

Проф. М. Морозов считает, что для плодотворного развития исторического жанра необходимо, чтобы правда и вымысел существовали.

Нельзя принять, — говорит он, — метод Шиллера, который, например, произвольно изменил обстоятельства смерти Жанны д'Арк, искажив тем историческую правду. Нельзя принять и метод Скриба, у которого исторические лица являются участниками вымышленной автором интриги. Правильным для нас путем являются пути Пушкина, Льва Толстого, Шекспира. Пушкин в «Борисе Годунове» исходил из выводов передовой исторической науки своего времени. Но рядом с историческим действием он создал вымышленную сцену в корчме. Толстой рядом с историческим лицом поставил вымышленный образ (Кутузов — Андрей Болконский). Так же поступал и Александр (принц Генрих — Фальстаф). В силу этого метода историческое лицо придает вымышленному убедительность исторической правды, а вымышленное лицо, в создании которого автор не стеснен рамками документальных данных, придает историческому лицу убедительность художественной правды.

Проф. А. Ефимов указывает, что историческая достоверность, научное историческое понимание истории — это необходимый минимум для историко-художника. Но свети вопрос об историческом художественном произведении только к его познавательной ценности было бы большой ошибкой. Исторический роман должен оказывать воздействие и на эмоциональную сферу читателей — воспитывать его характер, волю, гражданские чувства.

В обсуждении приняли также участие А. Анкист, М. Марич, С. Злобин, Л. Миш-скальчик, Ю. Оснос.

Юрий ОЛЕША ВЕРА В ПОБЕДУ

В сборнике «Литературный Таджикистан» представлены поэзия, проза и драматургия. Произведения, помещенные в сборнике, создавались в годы Великой Отечественной войны, 1941, 1942, 1943 — вот даты, которыми они помечены.

Их тематика — подвиги сынов таджикского народа на фронтах Отечественной войны, самоотверженный труд в тылу, помощь фронту, забота о раненых воинах, преданность семье и родине, воспоминания о вятцах прошлого, образы русских бойцов, слава Москвы, отброшенной немцев, и слава осажденного, но героически борющегося Ленинграда.

Вера в победу над фашистской Германией рождается у таджикских писателей из понимания величия и могущества дружбы советских народов и роли русского народа. Говоря о двадцати восьми гвардейцах, погибших на подступах к Москве, поэты М. Турсун Зола и А. Дехоти в поэме «За родину, за Сталина, вперед!» называют эти герои светом. Подвигу Зои Космодемьянской посвящено стихотворение М. Рахими «Таня». Мирзо Турсун Зола в «Сыне Родины», описывая русских кавалеров, говорит о братских из-под кинжал звездях. Поэт Бобо Юнус Худайлод Зола посвятил памяти Николая Гастелло большую стихотворение.

Понимание того, что национальная политика Ленина и Сталина привела Таджикистан к расцвету, выражено во многих стихотворениях.

Клинок наш остр, не изменит нам глаз, Мы выпитым с чашей твоей каждый призыв! Ты, земля, и в счастливый мир, И наша судьба высока, как Памир! Ты Ленина зная нам в руки давай, И каждому разуму факел заглай!

Это из стихотворения М. Турсун Зола и А. Дехоти «За родину, за Сталина, вперед!» Та же мысль — мысль о том, что именно Ленин и Сталин дали таджикам возможность жить по-человечески и сделали их судьбу «высокой, как Памир», приобрела прекрасные поэтические формы в поэме «Золотой кишлак» Мирсала Миршакарва (перевод А. Адаис). В ней рассказывается о декане, искавшем золотой кишлак — обставленную страну благополучия и счастья — и нашедшего ее после долгих странствий: родные места оказались золотым кишлаком.

Ты двадцать лет отступал, ата, Тобой владела древняя мечта, Что где-то есть счастливая страна, — Пошли зови и веди нас туда, мир, Нет, счастья нет готового нигде! Ни на земле, ни на другой стороне! Счастья нет, и счастья нет планет, И заводи отец, на небо нет! Ты — у себя. Все то, что видишь здесь, — Гирлянда слов и этот хлюпок весель, И шепоты иди, и вай, и вай, и вай! Добыты нашей волей и трудом.

После слов сына старик просит дать и ему место среди тех, кто строит золотой кишлак:

Вхожу я нищим в чистые края... Жива ль мольба старая моя? Ты, сын, лезишь на огненный конек! Уж нечего лиф-фак на... Но ты и знай: и вай, и вай, и вай! Пусть пригодится: мой рука!

Поэма, которая ведется от имени старика, заканчивается так:

Теперь в колхозе Сталинском живу!

Размеры статьи не позволяют нам разоб-раться эту поэму более подробно. А следовательно, например, отметить, что по этой поэме можно судить о тех возможностях пи-

сать реалистические, которые имеются у таджикских поэтов. Вот отрывок:

Мы к вам наминались в батраки, То баранту беречь среди сточей, И в батрацком доме, в батрацком доме, Зимой и летом в разных чинах. Мы поборились в разных чинах. Ни вояжи — змеи, как войлок — бовода, Как вояжи — жидыли в торопях...

Как это далеко от того, что Пушкин называл «роскошным красноречием Востока!» Таджикские поэты, судя по их произведениям, склонны думать, что без этого «роскошного красноречия» не может быть истинной поэзии. А между тем предельный отрывок доказывает обратное: в нем и Востоком, и истинная поэзия, хоть нет традиционного «роскошного красноречия».

Тема любви таджикского народа к Ленину и Сталину с такой же поэтичностью, как в поэме «Золотой кишлак», выражена в рассказе Хаким-Карима «Рисовальщик».

Этот рассказ о старой рисовальщице таджикской, которая нарисовала и вышила портрет Ленина. Этим самым она нарушила закон Ислама, запрещавший изображать людей. На смертном одре старая мастерица признает себе свою вину и просит умиротворенно с изображением Ленина в Москву — подарок самому великому сыну, который достиг совершенства Ленина и который работает на месте своего отца.

Национальная поэтика Ленина и Сталина явилась основой дружбы народов, союзницей непобедимой мощи нашему Союзу. Дружбе народов посвящен ряд стихотворений сборника. Поэт Абдулла Сухайли восклицает:

Дружба наша — это день, ошаривший даль! Дружба наша — это день, ошаривший даль! Дружба наша — это день, ошаривший даль! Дружба наша — это день, ошаривший даль!

Вразумленные советской властью и партией Ленина и Сталина, прекрасные идеями дружбы народов, сыны Таджикистана вы-

росли и окрепли, и перед ними открылся путь славы. Таджикистан в годы Великой Отечественной войны выдвинул героев, отличившихся на войне.

Вот как в эпических строках своей поэмы «Хол и Зухра» Бухрам Сирус описывает подвиги:

И плечико руки свернула, в жизни Провел он его через высоты и рвы. И тут только рынку замочил слово... (Перевод С. Горюцкого).

В дни исторических потрясений народ оглядывается на свое прошлое. Перед ним встают его герои, как бы благославляя что на подвиг. Так и поэты Таджикистана благовещивают и прославляют тех героев, которые прославлены народными легендами, истинной поэзией. А между тем предельный отрывок доказывает обратное: в нем и Востоком, и истинная поэзия, хоть нет традиционного «роскошного красноречия».

Тема любви таджикского народа к Ленину и Сталину с такой же поэтичностью, как в поэме «Золотой кишлак», выражена в рассказе Хаким-Карима «Рисовальщик».

Этот рассказ о старой рисовальщице таджикской, которая нарисовала и вышила портрет Ленина. Этим самым она нарушила закон Ислама, запрещавший изображать людей. На смертном одре старая мастерица признает себе свою вину и просит умиротворенно с изображением Ленина в Москву — подарок самому великому сыну, который достиг совершенства Ленина и который работает на месте своего отца.

Национальная поэтика Ленина и Сталина явилась основой дружбы народов, союзницей непобедимой мощи нашему Союзу. Дружбе народов посвящен ряд стихотворений сборника. Поэт Абдулла Сухайли восклицает:

Дружба наша — это день, ошаривший даль! Дружба наша — это день, ошаривший даль! Дружба наша — это день, ошаривший даль! Дружба наша — это день, ошаривший даль!

Вразумленные советской властью и партией Ленина и Сталина, прекрасные идеями дружбы народов, сыны Таджикистана вы-

Лучше было бы, если бы в сборнике, вместо отрывков из нескольких пьес, была помещена одна пьеса полностью, по которой можно было бы судить о драматургическом творчестве таджиков, нуждающемся во внимательной критике.

Как уже было сказано, сборник «Литературный Таджикистан» проникнут духом патриотизма, любви к родине. Произведения, помещенные в нем, говорят о росте самосознания таджикского народа, о понимании им высоких общественных задач. Однако следует указать таджикским поэтам, прозаикам и драматургам на то, что их произведения подчас наивны, схематичны, условны. Не всякая положенная на стихотворный размер строка может быть названа поэтической. Не всякий пришедший в голову замысел может составить содержание рассказа. Не всякий разговор двух лиц называется драматургическим диалогом. Правда, мы делаем свои выводы только на основании переводов, которые могут быть недоброс

К советскому читателю

Государственное издательство «Художественная литература» вышло в русском переводе повесть современного чешского писателя Ф. Лангера «Дети и кинжал». В связи с выходом русского издания писатель автор написал специальное обращение к советскому читателю, которое мы здесь печатаем.

Время действия моей повести — 1939 год. С тех пор прошло шесть лет. Шесть лет несчетных злодеяний, совершающихся нацистами. Мир был свидетелем столбчатых провалов извращения и бесчеловечности нацистов, что вряд ли можно вообразить преступление, которое не значилось бы уже в обвинительном акте против них. И нигде в мире эти преступления не совершались в таких потрясающих масштабах, как на земле Советского Союза. Остепеневшие, размеры преследования цели государства, уничтожены деревни, погнаны и сожжены народом восточной, Убито, искалечено, убито в рабство столько людей, что из них могли бы составить целые нации. И поэтому я считаю нужным сказать братскому советскому читателю несколько слов о внутреннем историческом смысле тех событий, о которых рассказывается в книге, — иначе они могут показаться ему только калей в том море крови и ужаса, куда ввергли людей нацисты.

То, что происходило в маленькой чешской деревне, ты, советский читатель, увидишь в правильном освещении, если вспомнишь недавние исторические события. Тебе знакомо имя «Мюнхен». В Мюнхене осенью 1938 года, после волеи и угрозы Гитлера, западные державы решили, что от Чехословацкой республики будут отторгнуты и присоединены к Германской империи все области, образующие естественный вал, защиту против Германии. Такой ничтожной ценой, ценой уступки незначительной территории, — говорили государственные мужи Бонала, — в Европе будет сохранен мир хотя бы для одного поколения. На деле этот мир не продлился и двенадцати месяцев. А ради него все бывшие союзники Чехословакии расторгли свои договоры с ней. Все, кроме СССР, — за это чехословацкий народ навсегда останется благодарен Советскому Союзу. И так, державы не стеснялись отступить от своих союзников. И был мир.

Но уже через шесть месяцев Гитлер следя следующий шаг. В марте 1939 года он вторгся на территорию республики, лишившей теперь всякой естественной защиты. В этот день теплые земли были оккупированы немецкими дивизиями и очутились под властью немецких солдат, генералов, гестаповцев и полицейских. Весь мир встретил это известие молча, как неприятный, но «сверхоценный» факт. Весь мир, кроме СССР, который не признал этот акт насилия. Страны Западного фронта, что было равносильно молчанию. Дня народа, привыкшего чувствовать себя свободным, нацистская, прусская, «сверхчеловеческая» грубость и надменность — это провокация, вызов и оскорбление. Оккупанты шаг за шагом ведут наступление на свободу и права народа с давними демократическими традициями. И народу становится ясно, что его попреступают превращают в раба. И видя на мировом горизонте он еще не имеет реальных надежд на освобождение от этого ига, он собирает силы для битвы против немецких рабовладельцев.

Моя книга рассказывает о стране, которую гитлеровские банды захватили при помощи шантара, подлога, грабежа и тому подобным «мирным» средствам. И о первом подпольном сопротивлении, возникшем в Европе против немецких оккупантов. Факт событий, о которых говорится в повести, это — фальшивый, мнимый мир Мюнхена, царивший тогда над Европой. Помни, читатель, об этом историческом фоне, когда будешь читать о борьбе маленькой чешской деревни с нацистской военной и государственной машиной, о борьбе истинно благородного народа против подлой, извращенной нацистской морали, о борьбе, почти символической, чешских крестьян за души их детей, к которым протянули свои котлы немецкие дивизии.

Деревня, описанная в повести Подолье — это некая-нибудь определенная деревня, и не нельзя найти на карте Кладенской области. Дух сопротивления немецкому господству был с самого начала одинаков в Чехии везде, так что безразлично, где эта деревня находится. Она могла быть расположена и в Богуминской области Силезии — в индустриальном центре страны, и в низине предгорья моравской Валахии, и в Рудных Горах, и в крае чешских таборитов, там, где зародились наши народные восстания. Деревня, где нарисованы дубы борбичи, нашлись бы у нас тысячи. Десятки тысяч сыновей и дочерей чешского народа, замученных немцами и тюрьмах и концентрационных лагерях, тысячи и тысячи казненных публично или тайно «убитых» гонимыми, что одним и тем же духом проникнута вся страна.

Действие происходит в Кладенской области, неподалеку от прекрасной Праги, потому что на долю этой области выпала большая честь: там, на чешской земле, был убит первый гестаповец, причем это случилось в первые же дни немецкой оккупации. Он был убит неизвестно кем, ночью, при обстоятельствах, казавшихся необъяснимыми. Автор избрал Кладенскую область еще и потому, что ее можно было считать одним из центров антифашистского сопротивления. Кладенские шахтеры и сталелитейщики принадлежат к числу самых сознательных граждан во всей стране, и они всегда стояли в первых рядах чешского рабочего движения. Различные кладенские деревни, Лидице, которая за свое участие в борьбе с нацистами была вместе со своими жителями оторвана с лица земли, служат ярким доказательством этому. И автор след своим долгом, хотя бы в нескольких последних строках повести, вспомнить об этой героической деревне.

Таким образом, если Подолье и нельзя найти на карте, то ты, советский читатель, все же можешь считать его реальным образом, точно и верно олицетворяющим мысли и чувства чешского народа. Подолье показывает также и образ жизни чешского народа, конечно, только отчасти. Чешский народ — это братский тебе народ, самый западный из славянских народов, последний народ по дороге на Запад, с которым ты всегда можешь легко договориться: на его языке — хлеб, земля, человек, сердце, душа, мир и множество других больших и добрых слов звучит так же, как и на твоем языке.

Это отдаленное славянское племя глубоко чувствует и сознает свое родство с величайшим из славянских народов. В течение всей своей тысячелетней истории чехи неизменно оглядывались в сторону России, и чем ближе к современности, тем чаще. В те времена, когда чехословацкий народ был под властью австрийских монархов и только начинал путь к освобождению, он укрепил свое национальное самосознание мыслью о могучем братском народе на востоке. Сейчас эта мысль питается совершенно конкретными фактами: чехословацкий народ получает сейчас с востока не только моральную поддержку для своего национального самосознания. В братскую чешскую страну, как могучая реальная сила, вошла освободительная Красная Армия и принесла освобождение. Как годится наш народ, что божьим и Красной Армией освобожденное его собственное дело! На востоке для нас теперь не просто сказочный брат-богатырь, как когда-то; там стоит гигантская реальность — Советский Союз, чей дух, чья мощь являются решающими для всего хода будущей всемирной истории. И чешский народ, который в течение всей своей прошлой истории безуспешно искал сильного союзника в борьбе с угнетателями, нашел теперь на востоке великую, исполнующую союзную державу. Будущее ее необходимо в своем развитии, и, опираясь на нее, чехословацкий народ может обеспечить свое свободное развитие.

Вот все, что я хотел сказать тебе, советский читатель, и мне остается только добавить, что наш союз — великое добро не только для одной стороны, потому что и советский народ найдет верную, надежную и сердечную поддержку в том истинно добром и истинно народном, с которым ты много познакомишься в моей книге.

Писатели Чехословакии — советским писателям

Союзом советских писателей СССР получена из Праги следующая телеграмма: «Общее собрание членов чехословацкого Пенклуба, состоявшегося в Праге 3 января, шлет горячий привет героическому Союзу советских писателей и пожелание укрепить дружбу между писателями обеих братских славянских народов».

Новые книги, вышедшие в Праге: «Основной закон Союза ССР», «Открываем собрание» и «Вещаем по радио» Эмиля Бурны и «Новый лик Италки» М. Тарасова.

Нет вестей, будничные заботы и невзгоды, светлые воспоминания о мирных, радостных днях прошлого — таково содержание этих стихов. С натуралистической точкой тонкостью передавая в этих стихотворениях, напоминающих страницы из дневника, даже самые второстепенные подробности. Но за всеми этими деталями читатель ощущает не только горе, которое унесла в те дни тысячи наших людей, но и мужество, внутреннюю силу советского человека, советской женщины, сумевшей в таинственных условиях остаться верной своему долгу. Она находит в себе силу бодрить окружающих, верит, непоколебимо верит в победу, в радость встречи с любимым. И потому, как ни тяжело матери, она умеет скрыть свое горе от маленькой дочери («я задушу — ее улыбки ради, я буду плакать после, в темноте...»), и потому даже самые суровые испытания переносятся легче.

И долгий путь сквозь мокрое ненастье Осенней ночью — хриплой и бездомной — Мне кажется ничтожной малой частью Одной дороги — общей и огромной.

Слабее последний раздел книги — «Лирика». В нем есть искренние, запоминающиеся стихи (в частности, цикл стихов о творчестве, такие стихотворения, как «Чиж», «Костер» и в особенности «Весна»), но в ряду с ними здесь немало бледных, невыразительных строк, неопределенных традиционности в решении знакомых тем разлуки, ожидания встречи и т. д. («Разлучка», «Да, ты мой сон», «Ожидание»).

Стихи Тушновой радуют искренностью, теплотой. У автора есть настоящая поэтическая наблюдательность, свое видение мира. Лучшие образы оригинальны и выразительны (серпальный снег, как перья белых птиц, у Пушкина на бронзовом плече, «гопнит» был ровен и белес, словно с неба краски вытер кто-то). Мы видим филиал, которые собирает в лесу мальчик, и кажется, ощущаем дрожащие их лепестков.

Он так был счастлив, отыскав Семью душистых, мокрых, милых, С тошнотливой сестрой темных жидок На лиловатых лепестках.

Но рядом с такими образами в стихах Тушновой встречаются вялые прозаические строки, искусственные сравнения: «елочек метель на кроватки, что то испуганное кричат», «станкам изрытая дорога медленно свивается в дугу», «усталые по непривычке люди», «счастливым, любимым человеком».

Мы уже говорили, что в стихотворениях, посвященных на первый взгляд, малозначительной теме, автор умеет найти какой-то поворот, какую-то деталь, позволяющую увидеть за этим незначительным большим и важное («Беженец», «Кулка», «Дорога»). Той же цели служат и конюшник стихотворений, над которыми тщательно работает поэт. Мы верим переживаниям женщины, которая, только что узнав о смерти мужа, не позволяет подруге залернуть шторы окна, за которым радостно сверкают ракеты праздничного салюта.

...женщина промолвила с укором: — Зачем? Пускай лобуется малыш! И, помолчав, добавила устало, Почти уйдя в густую тьму: — «...Мне это все еще дороже стало — Ведь это будто памятник ему».

Нам понятно ощущение человека, задумавшего над тем, что если лучше в прошлое взглянуть, увидеть можно будущее в нем. Может быть, несколько излишне патетично, но во всяком случае искренние строки молодого поэта о себе и своем творчестве: «Мне мало звезд, мне лучших песен мало, когда не мною созданы они». Но порою стремление поэта к яркой концовке, к ее определенности становится самоцелью, и это, конечно, плохо. В таких случаях перед нами либо мнимая значительность обобщений, связанная обычно с недостаточной значительностью темы («ей нежность, и клялся звездой, «ты мне чужой»), либо повторение обихих мест: «минуты приближения к счастью мною душе счастья самого, мне кажется: кто так вот ждал, когда-нибудь дождется встречи».

Таких стихотворений в книге Тушновой немного, но указать поэту на недостатки необходимо, ибо то лучше, что есть в ее сборнике, говорит о больших возможностях.

Иллюстрации художника Д. Шмарнова к книге «Стихи русских поэтов» (Детгис)

Сергей МАРКОВ КНИГА РАССЫПАННЫХ ЖЕМЧУЖИН

«Рукопись на тысячу лет старше меня», — говорит чешский, с любовью и волнением разглядывая древнюю арабскую книгу, — «Жизнь меня научила, что людей нельзя отделять от книг», — пишет дальний акад. И. Крачковский. И с молодой волею и старостью он рассказывает нам о радости открытия, о судьбах людей и книг. В небольшой книге собраны рассказы о многолетних трудах и скитаниях заслуженного русского ученого. Он был в угрюмых Горах Иудеи, в долинах Галилеи, у подножья Ливанских гор, на берегах Красного и Средиземного моря. Ему знакомы древнейшие страны и города мира, о которых можно прочесть в золотой «Книге царств».

Дамаск и Алеппо, Бейрут и Каир, шумная Александрия... Арабы открывали перед И. Крачковским двери библиотек, где хранились древнейшие рукописи. В Аравии, Сирии и Палестине он видел со смущением переводчиками рассказы А. П. Чехова, а в Каире — со знатоком творений Льва Толстого. Как удивительный урод, развешенный перед читателем И. Крачковский свое повествование о судьбах людей и книг. Он разгадывал эти судьбы в городах Востока и на берегах Невы — в азиатском музее и русских сокровищницах, где хранятся жемчужины ближнего Востока.

И. Крачковский открывает для нас мир чудес. Он с удивительной простотой и безпримесным рассказывает о том, как на берегу Зеравшана в Средней Азии были найдены писемца, начертанные на козлиной коже. Они пролежали в туркестанской земле, на горе Муг, двенадцать столетий!

Понадобилось невероятное напряжение мысли, воли и чувства, и Крачковский победил жестокую власть двенадцати столетий. Буква за буквой прочел он послание азиатского владыки Дианси к арабскому наместнику в Согдиане, написанное в 718—719 годах нашей эры. Какою-нибудь десятилетием отделила эти годы от времени окончательного завоевания Средней Азии арабскими полчищами. Но вот на куске коры, на которой было написано, что Дианси не подчинился воинственным пришельцам, а своих людей увел в крепость, название которой со временем тоже удалось установить.

Книги, бронза, люди — обо всем этом И. Крачковский говорит со страстью и восхищением перед силой науки. Он рассказывает нам о самоотверженных русских востоковедах, о нелегком мире азиатского музея, одинаково проникновенно рисует образы и академиков и русских самородков из крестьян и шпиклящих солдат — служителей и верных стражей наших научных хранилищ.

В книге мы найдем рассказ о шейхе Мухаммеде Айдат Таганта из деревни Танта би Каира. В 1840 году он приехал в Санкт-Петербург, где и умер, прожив свыше двадцати лет в России. Он был профессором петербургского университета, преподавал арабский язык.

Академик И. Крачковский долгое время работал над составлением жизнеописания араба-петербуржца. В 1927 году автор держал в руках список одного из творений Таганты — «Подарок смиланцам с сообщениями про историю России шейха Мухаммеда Айдата Таганты». Рукопись была найдена в Каире.

Древнему арабскому географу Ибн-Фадлану повезло больше, чем чернорабочему петербургскому шейху; описание путешествия Фадлана в страну волжских болгар издали сейчас Академиком И. Крачковским. Это — ценные свидетельства о «руссах» IX века, Фадлан ездил на Волгу в составе посольства Халифа Мухтадара в 921 году, куда княжил Иггор.

Хорошо бы издать, кроме Ибн-Фадлана, еще и труд багдадца Ибн-Хаукаля — «Книгу путей и государств», творения Хурдадбека, «Книгу драгоценных сокровищ» — Ибн-Даста. В этих книгах приведены свидетельства о наших предках — русах и славянах. Арабы и мы давно знаем друг о друге.

Нет нужды пересказывать все содержание этой обязательной книги ученого-поэта. Она проникнута стремлением сблизить науку с поэзией. Язык И. Крачковского светел и прозрачен. Ни цифровые даты, ни исторические имена или географические названия, без которых невозможно обойтись произведений такого рода, нисколько не тревожат глаза или слуха. Они сливаются с поэтической реальностью. Поэзия и наука в этой книге неотделимы друг от друга и идут рука об руку. Это — редкая удача.

Читая книгу Крачковского, нелегко думать: как много русская наука сделала для изучения стран Востока, его людей, книг, устного творчества, материальной культуры, но как мало написано об этом! Мы ничего не знаем о жизни и трудах знаменитого русского востоковеда В. Грингорьева, никто по-настоящему не писал о подвигах крупнейшего сыновца Иахидра Бичуркина, авчаровавшего А. С. Пушкина рассказы о Китае и Востоком Туркестане. У нас были замечательные собиратели жемчужин Востока — Н. Ханьков, гениальные способности которого удивляли всех, когда ему было всего девятнадцать лет, Даниил Хвольсон, исследовавший историю «сабейцев», о которых мы теперь читаем у Крачковского, знаток сиринской и халдейской письменности. «Книгой рассыпанных жемчужин» назвал свое сочинение Абд-Эль-Ваххаб аш-Шарани, один из героев Крачковского. Это название как нельзя лучше подходит к вдохновенной книге советского ученого.

Читая книгу Крачковского, нелегко думать: как много русская наука сделала для изучения стран Востока, его людей, книг, устного творчества, материальной культуры, но как мало написано об этом! Мы ничего не знаем о жизни и трудах знаменитого русского востоковеда В. Грингорьева, никто по-настоящему не писал о подвигах крупнейшего сыновца Иахидра Бичуркина, авчаровавшего А. С. Пушкина рассказы о Китае и Востоком Туркестане. У нас были замечательные собиратели жемчужин Востока — Н. Ханьков, гениальные способности которого удивляли всех, когда ему было всего девятнадцать лет, Даниил Хвольсон, исследовавший историю «сабейцев», о которых мы теперь читаем у Крачковского, знаток сиринской и халдейской письменности. «Книгой рассыпанных жемчужин» назвал свое сочинение Абд-Эль-Ваххаб аш-Шарани, один из героев Крачковского. Это название как нельзя лучше подходит к вдохновенной книге советского ученого.

И. Крачковский. «Над арабскими рукописями». Изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 118.

Ан. ТАРАСЕНКОВ НАЧАЛО ПУТИ

Жизнь дала молодому поэту многообразные тем. Он прошел войну со всеми ее тяготами и крутыми поворотами, — это ясно видно по его сборнику стихов, еще далеких от художественного совершенства, но сильных своей связью с действительностью, с борьбой. Печаль достоверности лежит на стихах Бориса Озерного, той достоверности, которую не может заменить собой ни звонкая рифма, ни оригинальный эпитет, ни небывалый ритмический ход. Когда Борис Озерный пишет:

...настоящего искусства. Реализм стиха, к которому стремится Озерный, заключается вовсе не в том, чтобы показать предмет, явление или человека через привычный словесный материал. Создавая подлинное явление искусства, поэт как бы заново открывает для себя и для читателя тысячу раз описанные до него вещи. В этом «открывании» неизбежна новизна, а следовательно, обязательны и новые слова, новые эпитеты, новые образы. Ими Борис Озерный беден. Скупость многих его строк идет не от зрелости художника, который, тщательно взвешивая слово, боится сказать лишнее, не идущее к делу. Скупость Озерного — от небольшого запаса изобразительных средств.

Едва существует мила ночная И улеглась на подушке Заключая, приветливо мигая, Копилка в нашем близлежащем. И мы сидим, заключив споры, Собирав в мешочек лопатку, Все темы давних разговоров Уже исчерпаны давно

— фронтовой быт здесь нарисован точно, примитивно. Видя ли кто-нибудь сможет упрямости Озерного в недостаточной выразительности к пейзажу войны, к подробностям человеческого жеста и интонации. Это ценно, в этом залог его дальнейшего роста. Пройдя через испытания войны, автор не утратил ни чувства красоты, ни склонности к раздумью, — в этом он среди миллионов советских людей, близок читателям своих стихов. Сквозь «едкий чад» войны Борис Озерный умеет увидеть и «ярколю чудесные, литые», и услышать голоса девушек, поющих песню, и вспомнить о звездах, осыпавшихся ерсами листопадом.

Часто поэт слишком назойливо комментирует то, что уже описал. Вот он изображает женщину, заколотую вражеским ружьем, и тут же добавляет: «Здесь был шатбок, насилье, погром». Разве это и без того не ясно? Описывая березку в золотых сережках, Озерный не может удержаться, чтобы не сказать: «по-своему изящна и красива». Все это лишнее, явное. Поэт убеждает показом. Логично образ, а не своими толкованиями уже описанного. Эта азбука истины должна быть повторена еще и еще раз.

И вместе с тем, если мы желаем добра молодому поэту, нужно сказать прямо: стихи его в большинстве случаев — только черновые наброски, только макеты будущих произведений искусства. Рядом с хорошей строчкой об осыпавшихся раним листопадом звезд стоит строка, как будто бы выдтанная из пыльных хреоматий восьмидесяти годов прошлого века: «город мирно грезил в сладком сне». Рядом с «лихими яблочками» — беззвучно и банально: «простор маянший, ясный, голубой». Вместо того, чтобы выбрать один эпитет, сотен возможных, Озерный ставит сразу три, — и все три, — ум, невыразительный, беспредметный. Эпитет вообще — одно из наиболее слабых мест Озерного. Метели у него обязательно «злые», морозы — «испещренные», час так — «грозящий», тишина — «глухая», березы — «кудрявые», а френчи — «проклятые». Всего этого мало, чтобы у читателя возникло трогательное радостное и всегда немного неожиданное сузвучание в стихах знакомых предметов и явлений жизни, без которого нет и не может быть

Чувство меры для художника обязательно. Его еще тоже нет у Озерного. В одном из своих стихотворений он говорит о девушке-солдате, о трудной ее судьбе: Скоро и тебе придется, дружок, Походатаи думать и страдать, Дуть на руки, синие от стужи, На морозе сутками не спать.

Но липыны могут стать привятой, Тляедей — солдаты говорят — После боя быть в перелетце, Ганить сердце горечью утрат...

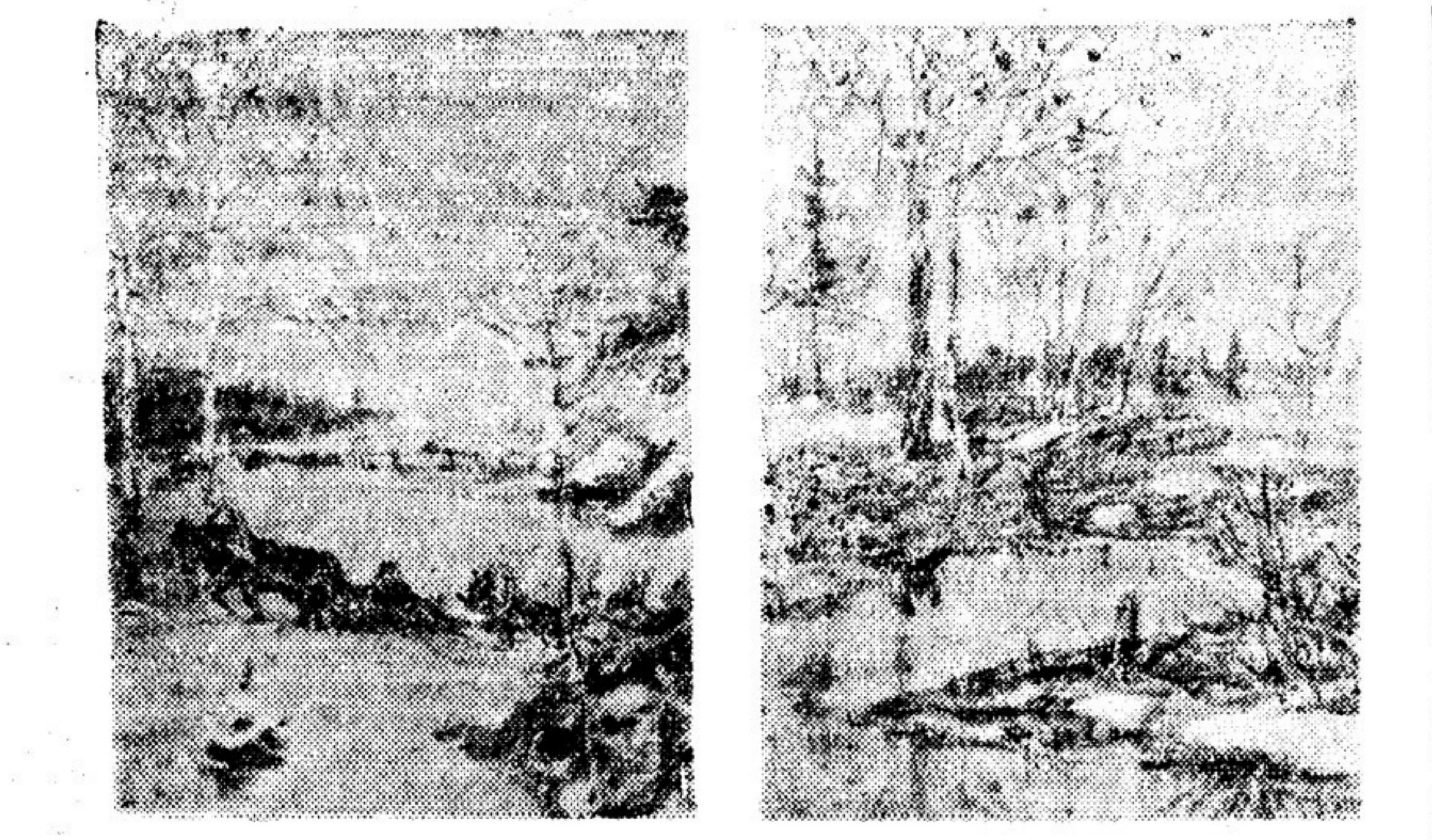
Это сказано мужественно, точно и выразительно. Зачем же понадобились поэту дальнейшие строки?

Тляедей с землей сырой подляться И тять под шквалами синяпа. Но солдаты пухи не боится, Ты солдат — Так будь им до конца!

Эта строфа бледна, неинтересна, она только портит все стихотворение. Здесь автор потерял чувство меры, не сумел во-время поставить точку. Так случается с Озерным, к сожалению, часто.

Но в его книжке, полной несовершенств, есть правильное чувство жизни и борьбы. Значит, есть у автора и перспектива роста. А это — главное.

Борис Озерный. «Рубежи». Саратовское областное издательство, 1944, стр. 42.

Иллюстрации художника Д. Шмарнова к книге «Стихи русских поэтов» (Детгис)

В. БЕЛЯЕВ ДВЕ КНИГИ «РАДЯНСЬКОГО ЛЬВІВА»

Во Львове вышли две книги литературно-художественного и общественно-политического журнала «Радянський Львів» (до войны он выходил под названием «Література і мистецтво»).

Осенью 1939 года исполнились заветные мечты переводов представителей украинской интеллигенции о воссоединении украинского народа в пределах Советской Украины. В эту богатую событиями осень начался новый расцвет литературы на западно-украинских землях. В бышем особняке графа Бельского, на улице Коперника, превращенном в клуб Союза советских писателей, шла оживленная литературная жизнь.

Большая группа украинских писателей Львова приняла в свои ряды бежавших из Польши от немецкого нашествия польских и еврейских писателей. Приезжали во Львов писатели Клева, Харькова, Москвы и Ленинграда. Здесь состоялся вечер с Алексеем Толстым и Евгением Петровым.

В первое утро войны от немецкой бомбы погибли видные украинские писатели Турод и Гаврилюк, поляки Харьшевская и Парсевич. В гестапо, в различных немецких концлагерях смертью мучеников окончили жизненный путь Талешу Бой-Желенский, Остап Ортын, Дзедзин, Шурдик, Калина, Берле, Галина Гурьская, Бруно Винавер, Вебер, Талешу Голлендер, Эмануил Шлегель; молодой львовский лирик Генрик Бальк, преследуемый гестаповцами, пустил себе пулю в лоб в пустынной аллее недалеко от Львова. В бою погиб секретарь львовской организации Союза советских писателей Олекса Десяк.

Как велики эти потери, убеждаются, читая опубликованную в журнале посмертную повесть Александра Гаврилюка «Берега». Из предположений повести короткого литературного портрета покойного, написанного Иосифом Нахтом, мы узнаем, что повесть была создана Гаврилюком еще в те годы, когда он был заключен в концентрационный лагерь Береза Карпатская. Удивительные по силе и художественной простоте гневные строки повести читаются с острым вниманием и сегодня. Это грозный обвинительный приговор режиму, который мечтал возродить Рачкевича и Сосновские и против которого выступает новая, свободная и независимая Польша.

В этом же номере напечатаны два отрывка из романа Ирины Вильде «Сестры Риччионе». Метательная девушка Олена Риччионе знакомится со студентом Орестом Биланским. Борец с руганью, самодовольной сестрой местечковой жизни, он становится наставником Олены, прививает ей любовь к литературе. Но застенчивый быт убивает благие порывы: Олена выходит замуж за рыжего богослова, священника Аркадия Риччионе, родит пять дочек и только после смерти мужа встречает у его могилы героя своего юности.

Через несколько дней после похорон он, за четверть века ставший известным объектом, приходит к помощи Олены советом, как поступить с полученным от мужа наследством и в какие деньги лучше перевести ценные бумаги — в американские доллары или в польские злотые...

Мы присутствуем при ядальническом раскрытии еще одной серенькой биографии. Удивительное спокойствие охватывает

нас. Как будто бы здесь недавно не было немцев, не было страшного Яновского лагеря, не было звериного местного национализма, отравлявшего нестойкие души.

Все это, казалось, должно было бы оставить значительный след на творчестве такого опытного писателя, далеко не новичка в литературе, как Ирина Вильде.

Во второй-третьей книге журнала помещены отрывки из комедии П. Козлянука «Зарплати»; ее тема — разоблачение украинско-немецкого национализма и бендерского подполья. Петр Козлянук знает народный язык, герои его говорят сочно, с юмором; видно, что автор хорошо знает западно-украинское село. Однако, усердствуя по части шуток и прибауток, Козлянук упускает тему борьбы с украинско-немецким национализмом.

Публицистика, которая печатается в журнале, более целеустремлена и остра, чем проза, драматургия и поэзия. Журнал помещал интересную статью писателя Ярослава Галана «Мамелюки», показывающую предательскую «деятельность» переметнувшихся на сторону фашизма (значительно ранее немецкого вторжения на Украину), презренных «желто-блакитных» литераторов националистической, фашистской ориентации. Богдан Дудыкевич в обстоятельной статье «Украинские националисты на службе у захватчиков» привлекает обширный архивный материал. Он рассказывает, как националисты раньше служили верой и правдой династии Габсбургов, а после крушения австро-венгерской империи помогали польским и украинским помещикам души на западно-украинских землях.

О сложном пути западно-украинской интеллигенции рассказывает в статье «Отысканный путь» проф. Михаил Рудинский.

Читатель с интересом прочтет в журнале «Радянський Львів» статьи А. Гросянченко об украинской поэзии в дни Отечественной войны, Ивана Ковача — о погибших львовских писателях, Владимира Огановского — о Закарпатской Украине, Ивана Мазепа — об исторических походах Советского Союза и обращении воем Закарпатской Украины, сражавшихся в рядах Чехословацкой армии (написанное сыном Василия Стефаняка, Семем). Интересна публикация акад. М. Возняка — история писев Ивана Франко «Украденное счастье». Из этой, казалось бы, чисто литературоведческой публикации, в которой много места уделено текстологическим сравнениям, читатель узнает, какие цензурные рогатки приходилось преодолевать классике украинской литературы Ивану Франко в Австро-Венгрии, которую кое-кто из литературных деятелей националистического толка пытался представить, как образец «демократизма».

Удачны стихи Петра Дорошко, Ярослава Ковды, Андрея Волошка и Тымко Оудько. Остальные не поднимают выше уровня ученических работ.

В журнале введен отдел хроники, которым заканчивается номер. В этом отделе читатель найдет много интересных сведений — о расцвете культуры, науки и искусства на западно-украинских землях и во всем Советском Союзе.

Научная фантастика

В 1944 году издательство «Молодая гвардия» создало редакцию научно-популярной литературы с целью возродить жанр научной фантастики.

В этом году вышла книга этого жанра — сборник научно-фантастических рассказов И. Ефремова «Белый рог». В ближайшее время издательство выпустит романы: А. Казанцева — «Арктический мост» (подпольное подводное плавание в туннеле, соединяющего Мурманск с Аляской), Ю. Долгушина — «Генератор чудес» (использование высокочастотных колебаний для управления человеческим мозгом и жизни-

ными людьми. Старый хирург, потерявший сына, переносит все свое отцовское чувство на раненых, которых возвращает к жизни; мальчуган, собиравший в лесу фиалки, гибнет от пули фашиста; солдат, вернувшийся домой, принимает, как родную дочь, девочку, взявную на воспитание его женой; старуха-мать, узнавшая в госпитале о смерти сына, раздает приписанные для него порции равным бойцам — таково содержание этих стихов-рассказов.

В них все очень просто, это почти протокольные записки, но они согреты теплым чувством поэта, которое позволяет нам ощутить внутренний мир героев. Иногда это чувство все заключено в одной только строчке, как, например, в стихотворении «Фиалки», где картина жизни, вполне расцвевшей на освобожденной от враг земле, заканчивается короткой фразой: «а мальчик не увидит лета». Иногда лирическая концовка служит своеобразным эпилогом «рассказа».

Некуда от странной мысли деться: Это не игрушка, не пустяк — Это, может быть, обломок детства На железных скрепленных путях.

Так заканчивается стихотворение о девочке, рыдающей над разбитой куклой. Но большая часть чувства это — живое отношение поэта к событиям и людям — заключено в самом тоне стихотворения, в характере образов. В одних случаях это — горечь и скорбь («Шелозны шли тогда к востоку, молча шли, без света и воды, полные везания и жестокой, горькой человеческой бедой»), бесконечная тревога и боль («не прозвучит ни слово, ни гулук в развличах, задыхаюсь от дыма. Лежит убитый русский городок и кажется ничто испорченным»), в других — светлое радостное ощущение побеждающей жизни («и первый шруд, как первый лист тугой, из черного шлода, как первый вытер кто-то»). Мы видим фиалки, которые собирает в лесу мальчик, и кажется, ощущаем дрожащие их лепестков.

Он так был счастлив, отыскав Семью душистых, мокрых, милых, С тошнотливой сестрой темных жидок На лиловатых лепестках.

Н. КАЛИТИН Первая книга

«Первая книга». Что хотел сказать автор этим названием? Скрывается ли в нем признание несовершенства первых поэтических опытов, или, напротив, оно утверждает право поэта на внимание читателя не только к сегодняшнему, но и к будущему его творчеству? Не знаем, что думал сам поэт, но достоинство его книги не в предположенных объяснениях. В книге Тушновой еще многое незрело и несовершенно, но, прочитав эту первую книгу, читатель, несомненно, будет ждать следующей.

Стихи В. Тушновой характерны для творчества молодых поэтов, пришедших в литературу в дни войны. Горячая взволнованность живого участника и очевидца трагических событий, пережитых страной, глубина и правдивость чувства, стремление выразить свое отношение к жизни, утвердить свой собственный голос — вот несомненное достоинство этой поэзии. И в то же время нет-нет, да и прозвучит в горячих искренних строках слишком уж высокое значение нота, вдруг сорвется на ней звонкий, еще не окрепший голос, послышится чужая интонация, а то и читателя. Или — эстетическому автору выразится поирригальнее, «поэтическое», и вот рядом с поэтическими стихами появляются стихи, в лирическое раздумье вырвется интонация откуда-то извне, вступит сентиментальные нотки.

В сборнике — четыре раздела: «Короткие рассказы», «Осень 1941 года», «Стихи о дочери» и «Лирика». Все они объединены общей темой войны.

«Короткие рассказы» — это небольшие лирические зарисовки, посвященные отдельным эпизодам, поступкам, переживаниям.

Вероника Тушнова. Первая книга. «Молодая гвардия», 1945.

Большой театр показал спектакль «Золушка»...

Золушка — Г. Уланова

Золушка — О. Лепешинская

рова — во всем этом есть некая беспорядочность впечатлений...

Музыка, которую написал С. Прокофьев, не вполне обычна в балете...

В музыке «Золушки» есть свой декоративный фон, грациозный и одновременно торжественный...

Музыка тут менее всего иллюстрационна. Она комментирует переживания героев...

«Английское искусство»

В издании Государственного музея изящных искусств...

Александра БРУШТЕЙН

ВСТРЕЧА С СОВЕСТЬЮ

В пьесе А. Утескова «Памятные встречи» кто-то цитирует стихотворение одного из героев...

НОВЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «ЛЕНИНГРАД»

В вышедшем на днях № 17-18 журнала «Ленинград» опубликовано историческое повествование...

Эпизод — номер, а все вместе — обозрение

неумеренный дивертимент, который можно продолжать сколько угодно...

У парадного под'езда

Зрители, не принимая этого решения, мы возвращаемся к автору!

ВЕСЕЛЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В НАПРАСНОМ

Не знаю, кому принадлежат ниже приведенные строки...

Не знаю, кому принадлежат ниже приведенные строки. Я их нашел случайно...

В свое время некоторые недалекие критики обвиняли Маяковского в «явности»...

Москва, 1945 год. Раскрывая ежесемейный общественно-политический и литературно-художественный толстый журнал...

«Ивановский альманах»

На очередном заседании областной комиссии ССП обсуждалась 5-6 книга «Ивановского альманаха»...

«Ивановский альманах»
На очередном заседании областной комиссии ССП обсуждалась 5-6 книга «Ивановского альманаха»...